

УДК 8.81'373.45.811/811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСВОЕНИЯ ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ 1830–1850-Х ГГ. В ИСТОРИИ НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Мугумова А.Л.

*Дагестанский государственный педагогический университет
367003, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация*

Аннотация. В статье, помимо рассмотрения общетеоретических аспектов исследования, отмечается базовый характер периода 1830–1850-х гг. в истории русского литературного языка начала XIX в. – 1917–1918 гг. как эпохи формирования его норм. Западные европейские лексические усвоения этого времени относятся к первой волне лексических заимствований. Она заканчивается в середине XIX века, когда многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребительными. Прямым последствием их окончательного усвоения становятся новые словообразовательные ряды с заимствованными западноевропейскими суффиксами.

Ключевые слова: русский литературный язык, 1830–1850 гг., западноевропейские усвоения.

LEXICAL AND WORD-FORMATION BORROWINGS FROM THE WESTERN EUROPEAN LANGUAGES IN 1830-1850S IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE NORM

L. Mugumova

*Dagestan State Pedagogical University
57, M. Yaragского st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation*

Abstract. Besides consideration of general theoretical aspects of a research, the article noted the basic character of the period of the 1830-1850s in the history of the Russian literary language of the beginning of the 19th century – 1917-1918s as an era of the formation of its norms. The Western European lexical assimilations of this time belong to the first wave of lexical borrowings. It comes to an end in the middle of the 19th century when many foreign words become widely and constantly common. New word-formation ranks with the borrowed Western European suffixes become a direct consequence of their final assimilation.

Key words: Russian literary language, 1830–1850s, Western European borrowings.

Анализируемый вопрос ещё не становился предметом специального рассмотрения в условиях, когда нормированность является важнейшим признаком литературного языка. Она манифестируется как в письменной, так и в устной речи.

© СС BY Мугумова А.Л., 2018.

Понимание нормы в русистике последних десятилетий развивалось и претерпело определённые изменения. Показательны в данном отношении те новации, которые отразились в программах МГУ по данной научной дисциплине. Так, в 1986 г. [7, с. 27], норма рассматривается как реализация представлений носителя языка о правильной речи, но основой литературного языка считается книжная норма, которая связана с обучением и формальным её усвоением.

В развитие её положений в программе 2007 г. [10, с. 222] указывается на специфику книжной нормы, что обусловлено её связью с письменностью, с литературно-языковыми традициями, образованием. При этом имеет место «зависимость эволюции книжного языка от изменения взглядов носителей языка на языковую правильность». Он также указывает на «связь истории письменного языка с историей культуры и социальной историей языкового коллектива».

При этом автор последней программы В.М. Живов [10, с. 238, 240] связывает в целом период с начала XIX в. и до 1917–1918 гг. со стабилизацией норм современного русского литературного языка и говорит о функционировании в эту эпоху русского литературного языка в рамках стабильной нормы. В его пределах, как он полагает, представляется возможным выделить три подпериода. Первый из них – пушкинский (начало XIX в. – 30-е гг. XIX в.), ибо А.С. Пушкин является, как известно, создателем норм современного русского литературного языка. Вместе с тем другие исследователи (Д.Д. Благой, В.В. Томашевский, А.В. Гулыга и др.) считали, что нормы русского литера-

турного языка складываются в XVIII–начале XIX в. Так, по мнению А.В. Гулыги, их создал Карамзин.

Как следствие, ещё сравнительно недавно сторонники этой точки зрения утверждали, что «до первой трети XIX в.» «окончательно сложился новый тип литературного языка, свидетельствовавший о завершении образования национального языка» [14, с. 76]. Однако при этом не принимается во внимание, что ещё до этого В.В. Виноградов указывал, что «язык Пушкина, осуществив всесторонний синтез русской национально-языковой культуры, стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова» [2, с. 52].

В настоящее время практически окончательно сложилось мнение, что русский национальный литературный язык в главнейших своих чертах сформировался к концу 30-х гг. XIX в. и убедительно воплотился в творчестве А.С. Пушкина. Причём в нём не только обобщён богатейший опыт развития русской словесности с конца Средневековья, но и намечены, как указывал В.В. Виноградов, «во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи» [3, с. 250, 294].

Вместе с тем в этот период культурное развитие русского общества столкнулось с парадоксом, когда, с одной стороны, поэтический язык, достигнув высочайшего совершенства в творчестве самого А.С. Пушкина, свидетельствовал о невиданных успехах национальной словесности первой трети XIX в. А с другой стороны, собственно литературный язык, развивая возможности для прогресса национальной культуры, проявлял очевидное отставание, что не могло не

беспокоить А.С. Пушкина, которому представлялось даже, что «прекрасный язык, под пером писателей неучёных и неискusstных, быстро клонится к падению» [8, с. 77].

И именно во второй подпериод (1830–1850 гг.), как отмечают другие авторы [9, с. 236], имеет место стабилизация норм русского литературного языка, кодификация которых была осуществлена в трудах Н.И. Греча и А.Х. Востокова. О том же, в принципе (нормализации нового литературного узуса, сформировавшегося благодаря А.С. Пушкину), пишет и А.И. Камчатнов [4, с. 16], который указывает на то, что в этот подпериод «развиваются функциональные стили русского литературного языка, славянский язык окончательно оттесняется в сферу культа».

В третий подпериод (вторая половина XIX–начало XX вв.) продолжается развитие русского литературного языка в рамках стабильной нормы. Однако его рассмотрение требует учёта особенностей развития русского литературного языка в предшествующий подпериод (см. выше).

В принципе, основу вышеприведённого членения истории русского литературного языка заложил в своих трудах основоположник данной научной дисциплины – В.В. Виноградов. Одной из главных из них была работа 1978 г. «Основные этапы истории русского языка» [2, с. 10–13]. В отношении рассматриваемого подпериода он отметил, что к 30–40-м гг. в силу утраты престижа господствовавшей во второй половине XVIII–начале XIX в. аристократической культурой литературного языка возникают новые нормы более демократического характера. Проза приоб-

ретаёт ведущую роль, вытесняя стихи. В ней выдвигаются на первый план стили, связанные с газетно-журнальной и публицистической речью. Несмотря на известные противоречия, в 30–50-х гг. обозначились и следующие общие тенденции в развитии русского литературного языка, его нормы: 1) ограничение славяно-русской языковой культуры в её отношении к литературной норме; 2) под влиянием творчества Пушкина усиливается её сближение с живой разговорной речью; 3) в русле этой тенденции обостряется проблема значения, функций и использования в литературном языке областных слов – диалектизмов, присущих крестьянской речи; 4) расширяется литературное употребление лексических форм и выражений, присущих разным профессиональным диалектам и жаргонам города и деревни.

Обращаясь непосредственно к проблеме, рассматриваемой в данной публикации, и говоря о лексических заимствованиях, следует иметь в виду, что, как традиционно полагают [см. 7, с. 12], периодами наиболее интенсивного проникновения заимствований в русский язык являются:

1. XII–XIV вв. – наплыв тюркизмов (восточных заимствований) в период татаро-монгольского нашествия и ига;

2. XVII в. – приток полонизмов и латинизмов в эпоху воссоединения восточнославянских народов в едином государстве;

3. XVIII–XIX вв. – западноевропейские заимствования и варваризмы периода интенсификации культурных и экономических связей с народами Западной Европы, что определяется особенностями языковой ситуации того или иного периода.

Вместе с тем следует отметить, что изучение лексических заимствований в истории того или иного литературного языка предполагает их анализ в отношении к норме как его конститутивной основе и не только лексической, но и в определённой степени грамматической. Не случайно ещё Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов считали возможным выявлять норму литературного языка какого-либо периода в его развитии путём анализа текстов художественных произведений выдающихся писателей той или иной эпохи [5, с. 14].

Вместе с тем содержание термина «язык художественной литературы» шире соотносящегося с ним понятия «литературный язык», ибо в силу неправомерности отождествления понятий история литературного языка и история языка литературы, первое может рассматриваться как «история нормы», а второе как «история отклонений от нормы» [7, с. 27]. В силу этого не все соответствующие, в том числе лексические, факты, нашедшие отражение в творчестве того или иного писателя, немедленно становятся достоянием литературного стандарта. Эти взаимоотношения являются диахронически изменчивыми и преемственными и изучаются в рамках того или иного периода истории литературного языка как цельной системы, включающей различные уровни его системы, в т. ч. лексику. Кроме того, усвоение большого количества лексики с единообразными словообразовательными формантами (см. в последующем изложении) способствует вхождению последних в заимствующий язык, в нашем случае русский, в котором они образуют новые словообразовательные

ряды с заимствованными суффиксами.

Таким образом, как было показано в предшествующем изложении, (под) период истории русского литературного языка 1830–1850-х гг., когда имело место его развитие в рамках стабильной нормы, в т. ч. лексической, может рассматриваться как базовый по отношению к истории русского литературного языка XIX–начала XX вв.

1. Лексическая норма и заимствования

Положение о верифицирующей (нормативной) роли словарей, прежде всего толковых, и исторической изменчивости самой нормы нашло своё отражение в работах Р.А. Будагова [1, с. 144], который указывал: «Словари прямо связаны с выработкой литературной нормы в каждую эпоху – нормы, имеющей общенациональное значение». Как отмечала А.А. Брагина в приложении «Краткая справка о словарях русского языка» к работе Р.А. Будагова [1, с. 149–150], лексическая норма отражается не в словаре-тезаурусе, каковым является «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, а «словаре нормативном, который включает лексику литературного языка и предписывает определённую норму употребления слова». К подобным словарям (если иметь в виду рассматриваемую первую половину XIX века) относится академический «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым (словесным) отделением Академии наук» в 1847 г. и содержащий 114749 слов [1, с. 144, 149].

Следовательно, только отражение того или иного, включая заимствованные, слова в академических словарях, каковым для этого времени был «Словарь церковнославянского и русского

языка», подготовленный по состоянию на 1841 г., следует считать признанием его нормативного характера, вхождения в систему литературного языка. Подтверждением этого является мнение Ю.С. Сорокина [11, с. 61], согласно которому свидетельством, например, «укоренения в языке» слова *факт* является то, что «оно было помещено в “Словаре церковно-славянского и русского языка” 1847 года». Он полагал, что «время первого употребления слова отдельными авторами и в специальных целях ещё не является достаточным признаком вхождения слова в язык, в его лексическую систему. Также не служит достаточным указанием на время истинного заимствования слова и его фиксация в справочных изданиях, например, в словарях иностранных слов, энциклопедических, переводных и т. п. Такое слово мы скорее можем назвать иностранным словом, чем собственно заимствованным» [11, с. 62].

2. О лексических усвоениях из западноевропейских языков

В заимствованной лексике русского, как и любого другого языка, выделяются два основных пласта – (западно)европейский и восточный (ориентальный). Первый из них был определяющим в составе заимствованного лексического фонда русского языка. Так, обогащение лексического состава русского литературного языка заимствованиями из (западно)европейских языков наблюдается в связи с развитием научно-философской и журнально-публицистической терминологии. При этом следует иметь в виду, что именно в лексической системе в 30–40-е гг. XIX в. имеет место первая сильная волна лексических заимствований, начавшаяся во второй

половине 30-х гг., которая последовательно нарастает к середине века до 1860–1870 гг., когда наблюдается их новая активизация. Тогда же в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, которые окончательно закрепились в русском литературном языке.

В рамках рассматриваемого периода ещё продолжалась, но менее интенсивно борьба карамзинистов и шишковистов. Итог этой борьбы очень чётко подводит Ю.С. Сорокин [11, с. 51–52] в своей монографии «Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в.»: «...Господствующей оставалась точка зрения пуризма. Теоретические позиции Шишкова были подвергнуты остроумной критике, были отмечены их наиболее уязвимые пункты, крайности и нелепости, но в целом эти позиции не были окончательно расшатаны, опровергнуты. Круг сторонников Шишкова был ещё широким, а его влияние сильным».

Последователи А.С. Шишкова, выступавшие с критикой языка произведений В.Г. Белинского и А.И. Герцена, обострили полемику в связи с введением иностранных слов в журналистику 30–40-х гг. Однако решающее слово в этой полемике было сказано В.Г. Белинским, который защищал лексические заимствования, обосновывая их появление номинацией новых понятий и идей, вскрывая идеологические корни устаревших пуристических взглядов. Причём в период 30–40-х гг. XIX в., к которому относится первая сильная волна лексических заимствований из западноевропейских языков, многие иностранные слова становятся широко и постоянно употребитель-

ными. К их числу относится довольно обширный ряд заимствованных слов, первоначально тесно связанных с кругом философских понятий, а затем ставших достоянием книжного языка: *абсолютный, доктрина, догматизм, дуализм, идеализм, критицизм, объект и объективный, рациональный и рационализм, реальный и реализм, синтез, эклектик и эклектизм, эмпирик и эмпиризм, энциклопедист и энциклопедизм* и др. [11, с. 66, 68, 69].

Ю.С. Сорокин [11, с. 85] указывает и на другую, ещё более обширную группу заимствований, связанных с выражением различных общественных отношений, классов, социальных групп и направлений: *автономия, активный и пассивный, ассоциация, буржуазный, гуманный, дебаты, индустрия и индустриальный, конкуренция, культура, новатор, оппозиция, организовать (организовать), популярный, пресса, пролетарий и пролетариат, пропаганда, реабилитация, реакция, реформа, рутина, социальный, социализм и коммунизм, тенденция, утилитарный, цивилизация*.

Относительно небольшими в сравнении с вышеприведёнными группами оказались группы названий: предметно-бытовой номенклатуры (*абажур, блондин, бульдог, бутерброд, веранда, винегрет, витрина, декольте, клумба, комфорт, корсаж, крем, макинтош, мансарда, муар, одеколон, пальто, пахитоса (папироса), пеньюар, плед, плюш, портьера, раут, фат, флакон, шатен, экран*); технических терминов, укоренившихся тогда же и связанных с железнодорожным транспортом (*вагон, локомотив, рельс, шпала*), а также *аппарат, вентиль, цистерна* и др.); экономических и финансовых терми-

нов – *бюджет, брак, гарантия, рента, фермер* и др., медицинских – *малярия, маньяк, идиот* и т. д. [11, с. 138–139].

3. Новые словообразовательные ряды с заимствованными западноевропейскими суффиксами

Известно, что проникновение иноязычных словообразовательных аффиксов бывает связано с накоплением в языке большого количества слов, образованных по однотипной модели вместе со словами, от которых они образованы. С ними они оказываются связанными словообразовательными отношениями [13].

Как отмечает в связи с рассматриваемой эпохой Ю.С. Сорокин [11, с. 247], «прямым последствием широкого притока заимствованных слов в русский литературный язык» в этот и последующий подпериоды «было формирование новых словообразовательных рядов» Это происходило, на его взгляд, в условиях колебания грамматической нормы.

Он же [см. 11, с. 246–247, 250–252, 254, 259–260, 263] обратил внимание на то, что в рассматриваемый подпериод «бурно развивавшимися новыми словообразовательными разрядами явились классы существительных с суффиксальными суффиксами *-изм* и *-ист*, часто составляющими соотносительные по значению пары». Они обозначают «различные направления в общественной жизни, политике, культуре, науке, искусстве, литературе и т. д. (существительные на *-изм*) и – соответственно – последователей и сторонников этих направлений (существительные на *-ист*)». Господствующими членами в этих парах признаются слова с суффиксом *-изм*. Некоторые из них «имеют теперь лишь значение определённого свойства, склонности к

чему-либо, а соотносимые с ними существительные на *-ист* в таких случаях обозначают носителя этих свойств и склонностей (*авантюризм, карьеризм, морализм, оптимизм, пессимизм, эгоизм*)». Были известны, как отмечал Ю.С. Сорокин, и существительные на *-изм-*, не соотносящиеся с существительными на *-ист*, как, например, *либерализм, радикализм, клерикализм, классицизм, романтизм* и др. (ср., как и сейчас, *либерал, радикал, классик, романтик* и др.). Существительные с этими суффиксами были присущи русскому языку и в XVIII в. – около 35 слов. В дальнейшем в академическом словаре 1847 г. фиксируется уже более 60 слов с суффиксами *-изм* и *-ист*. Причём на протяжении всего XVIII в. и в начале следующего века соотносительность существительных на *-изм* и *-ист* ещё слабо выражена, и почти полностью отсутствовали существительные с этими суффиксами, образованные на русской почве и от русских слов, за исключением слова *гуслист*. Приток существительных с этими суффиксами усиливается с конца XVIII в. и постепенно нарастает в первые три десятилетия XIX в., в 50–70-е гг. круг подобных существительных продолжает расти. Таким образом, начало распространения существительных с этими суффиксами падает на последние десятилетия XVIII в., последовательно нарастая на протяжении века.

К числу наиболее известных образований с названными суффиксами Ю.С. Сорокин [см. 11, с. 264] относит слово *декабрист*, употребление которого установилось не ранее 40-х гг., и *царизм* – в 80-х гг. в кругах русской революционной эмиграции. При этом образование от русских основ с дан-

ными суффиксами не выходит, по его мнению, за пределы чисто окказионального словообразования.

Последнее положение подтверждается и тем, что из трёх существительных с суффиксом *-ист*, отмеченных ещё в древнерусскую эпоху как заимствования из греческого (*евангелист, конархист (канонархист)* «читающий каноны», *павлианист* «последователь Павла Самосатского» [12, т. 1; с. 416, 647; 12, т. 2, с. 445]), в русской художественной литературе рассматриваемого времени отразилось только одно – *евангелист* в повести Н.А. Полевого «Живописец» (1833) [6].

Кроме того, особое распространение, как отмечает Ю.С. Сорокин [см. 11, с. 264–266], получили в это время заимствованные существительные с суффиксом *-ёр* французского происхождения, а также с суффиксами *-ер* (из нем. и англ.), *-ионер* (из франц.), также *-атор* при том, что образований от русских основ среди этих существительных нет. Чрезвычайно обширным был в это время и круг заимствованных существительных с суффиксом отвлечённого значения *-ация (-изация)*, соотносительным с суффиксом *-ировать (-изировать)* в глагольном словообразовании. Он же указывает на особое место разряда существительных с суффиксом *-истика*, который употреблялся также «с рядом слов, несомненно образованных в это время на русской почве, в том числе и от русских основ». Репрезентатами первых являются такие окказиональные образования, как *фразистика, ерундистика*, вторых – *шагистика, зубристика* и др.

В заключение следует отметить, что процессы заимствования, сложившиеся в русском литературном

языке на протяжении всего XIX в., включают ряд явлений, в которых отчётливо видны новые тенденции развития лексической системы, которые определились в полной мере лишь в послесоветское время. Но на характер их развития в предшествующий рассматриваемому (пушкинский) и в последующий (данный) подпериоды развития русского литературного языка повлияло и то, что он имел место в эпоху стабилизации его норм (1830–

1850 гг.), когда ещё периодически обострялась полемика по проблеме заимствований. Последующий развивался в рамках стабильной, в т. ч. лексической, нормы. Причём, как было показано в предшествующем изложении, и в рассматриваемое время расширяется освоение западноевропейских морфем различного, в т. ч. латинского и греческого, происхождения, которые развили на русской почве большую словообразовательную активность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1989. 152 с.
2. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 10–64.
3. Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 529 с.
4. Камчатнов А.И. История русского литературного языка (XI–первая половина XIX вв.). М.: Academia, 2005. 681 с.
5. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1992. 303 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.02.2018).
7. Программа дисциплины «История русского языка» для государственных университетов. М.: Издательство Московского государственного университета, 1986. 41 с.
8. Пушкин А.С. Из письма в Российскую Академию // Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). Л.: Советский писатель, 1954. С. 68–77.
9. Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка Московского государственного университета. М.: Издательство Московского государственного университета, 1997. 536 с.
10. Русский язык и его история : Программы кафедры русского языка Московского государственного университета. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство Московского государственного университета, 2007. 744 с.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1912. Тт. 1–3.
13. Хамраев Б.Д., Попова А.А. Вопросы заимствования морфем в русском языке [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2016. № 10. С. 1503–1504 URL: <https://moluch.ru/archive/114/29530/> (дата обращения: 24.02.2018).
14. Чепель В.С. Субстантивное склонение русского языка на различных этапах исторического развития // Филологические науки. 1986. № 1. С. 68–79.

REFERENCES

1. Budagov R.A. *Tolkovye slovari v natsional'noi kul'ture narodov* [Explanatory dictionaries in the national peoples' culture]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 152 p.
2. Vinogradov V.V. [The main stages of the history of the Russian language]. In: *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. The history of the Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1978. pp. 10–64.
3. Vinogradov V.V. *Ocherki istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17–19th centuries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1982. 529 p.
4. Kamchatnov A.I. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–pervaya polovina XIX vv.)* [The history of the Russian literary language (11th - first half of 19th centuries)]. Moscow, Academia Publ., 2005. 681 p.
5. Kovalevskaya E.G. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [The history of the Russian literary language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992. 303 p.
6. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 24.02.2018).
7. *Programma distsipliny "Istoriya russkogo yazyka" dlya gosudarstvennykh universitetov* [Program of the discipline "The history of the Russian language" for public universities]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 41 p.
8. Pushkin A.S. [From a letter to the Russian Academy]. In: *Russkie pisateli o yazyke (XVIII–XX vv.)* [Russian writers on the language (18–20th centuries)]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1954. pp. 68–77.
9. *Russkii yazyk i ego istoriya*. Programmy kafedry russkogo yazyka Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Russian language and its history. Programs of the Russian language Department of Moscow State University]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1997. 536 p.
10. *Russkii yazyk i ego istoriya : Programmy kafedry russkogo yazyka Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Russian language and its history : Programs of the Department of Russian language at Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Publ., 2007. 744 p.
11. Sorokin Yu.S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gg. XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830–90s]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
12. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the old Russian language according to written monuments]. St. Petersburg, Typography of Imperial Academy of Sciences, 1893–1912. Vol. 1–3.
13. Khamraev B.D., Popova A.A. [The issues of borrowing of morphemes in the Russian language]. In: *MoloDOI: uchenyi* [A young scientist]. 2016. № 10. pp. 1503–1505. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/29530/> (accessed: 24.02.2018).
14. Chepel' V.S. [The substantial decline of the Russian language at different stages of historical development]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1986, no. 1, pp. 68–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета,
e-mail: garun48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna L. Mugumova – PhD in Philological science, associate professor at the Department of Theory and History of Russian language, Dagestan State Pedagogical University; e-mail: garun48@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мугумова А.Л. Лексические и словообразовательные усвоения из западноевропейских языков 1830–1850-х гг. в истории нормы русского литературного языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 56-65
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65

FOR CITATION

Mugumova A.L. Lexical and word-formation borrowings from the Western European languages in 1830-1850s in the history of the Russian literary language norm. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 2, pp. 56-65
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-56-65